М. Ю. Лермонтов

ПАРУС

Издательство
„Детская литература“

Школьная библиотека

М. Ю. Лермонтов

ПАРУС

Стихи

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1976

Р1
Л49

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Составление, предисловие,
пояснительный текст и примечания
Ираклия Андроникова

Иллюстрации Г. С. Волхонской

Лермонтов М. Ю.

Л49 Парус. Стихи. Издание второе. Сост., предисл., пояснит. текст и примечания И. Андроникова. Ил. Г. Волхонской. М., «Дет. лит.», 1976.

64 с. с ил. (Школьная б-ка).

В книгу М. Ю. Лермонтова «Парус», предназначенную для маленьких читателей, аходят такие замечательные стихотиорения поэта, как «Бородино», «Листок», «Утёс», «Парус», «Тучи», «Из Гёте», «Три пальмы», «Воздушный корабль», «Родина» к др.

С предислоаием, пояснительным текстом и примечаниями Ираклия Андронккова.

Л $\frac{70802-393}{М101(03)76}$ 131—76

Р1

Эти стихи написал один из самых великих поэтов мира — Михаил Юрьевич Лермонтов. Он жил в одно время с Пушкиным и благоговел перед ним. Больше всех книг на свете он любил «Евгения Онегина».

Лермонтов родился в 1814 году, в Москве. Но ещё в колыбели он был увезён в имение бабушки, в степную Пензенскую губернию. Там прошло его детство, там он дружил с деревенскими ребятишками, слышал народные предания и песни, богатую и чистую русскую речь.

По тринадцатому году его отвезли в Москву и отдали в лучший пансион. К этому времени относятся его первые стихи. В шестнадцать лет он был уже зрелым поэтом, но в печати не выступал — сочинял для себя, читал близким друзьям. Выбрав поэтическую дорогу, Лер-

монтов поступил на словесное отделение университета. Но, свободолюбивый, независимый, смелый, вскоре был исключён из числа студентов. Тогда он переехал в Петербург и поступил в военную школу, откуда вышел в гвардейский кавалерийский полк.

В конце января 1837 года по Петербургу разнёсся слух, что Пушкин стрелялся на поединке и ранен смертельно. Лермонтов не был знаком с ним, но под впечатлением этой национальной трагедии написал стихотворение «Смерть Поэта», в котором назвал именитых вельмож, любимцев царя, палачами гения, свободы и славы. Стихи разошлись во множестве списков по городу, а потом и по всей России. За эти стихи Лермонтова сослали на Кавказ, где шла кровопролитная война, — под пули. От этого времени ему осталось жизни только четыре года.

Вернувшись из ссылки в столицу, Лермонтов напечатал самые лучшие, самые зрелые свои произведения.

Но два года спустя его снова сослали, опять на Кавказ, где он погиб на дуэли, не дожив до двадцати семи лет. Это было летом 1841 года. Потом в его записной книжке нашли стихотворения «Утёс», «Листок», «Выхожу один я на дорогу» — одно другого прекраснее.

Нелегко найти в нашей стране человека, который не читал бы стихотворения «Бородино» — о великой победе русского оружия под Москвой во время Отечественной войны 1812 года.

Запомни и другие строки, обращённые Лермонтовым к Москве:

Москва, Москва, люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!

Выучи наизусть «Родину» — это ещё одно из величайших стихотворений о любви к Отчизне.

Лермонтов, как мало кто в мировой поэзии, умел олицетворять человеческие страсти, человеческие радости и страдания, описывая гонимый бурей листок, или холодные тучи, или виднеющийся вдали в голубой дымке парус... Многие поколения русских людей воспринимали образ этого паруса как олицетворение высоких гражданских идей своего времени. Перечитывая эти стихи, ты каждый раз будешь получать новое наслаждение.

Лермонтовым нельзя начитаться. Глубина мысли сочетается у него с великим совершенством выражения. Даже когда вспоминаешь стихи молча, они звучат в твоей памяти словно прекрасная музыка. Через всю жизнь пронесёшь ты в душе и в памяти стихи и образ этого человека — грустного, строгого, нежного, властного, скромного, смелого, благородного, мечтательного, насмешливого, застенчивого, наделённого могучими страстями и волей, проницательным беспощадным умом. Поэта гениального и так рано погибшего, бессмертного и навсегда молодого.

Ираклий Андроников

БОРОДИНО*[1]

В царствование Николая I солдатская служба продолжалась двадцать пять лет, и в 1830-х годах в армии ещё служили многие участники Отечественной войны 1812 года. Вот почему молодой солдат, обращаясь к ветерану Отечественной войны с просьбою рассказать о Бородинской битве, называет его «дядей». Это солдат другого поколения.

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы! —

отвечает «дядя», начиная рассказ о великом сражении под Москвой, в котором русские солдаты-богатыри, сподвижники Суворова и Кутузова, сокрушили могущество армии Наполеона.

Это первое в русской поэзии стихотворение, в котором был изображён главный герой Отечественной войны — народ.

Лермонтов описал Бородинскую битву очень точно и достоверно: «дядя» не просто солдат — он солдат-артиллерист. Он забивает снаряд в свою пушку, дремлет у лафета. Батарея его защищает редут. Так назывались квадратные полевые укрепления, обнесённые рвом и насыпью. На Бородинском поле такой редут был возведён на невысоком кургане в центре расположения русских войск. Он вошёл в историю под названием «редута Раевского». Этот редут французы атаковали в течение всего

[1] Объяснения слов и отдельных выражений, помеченных звёздочкой, смотри после текста стихотворения.

дня. Французские кавалеристы — драгуны в высоких касках, украшенных конскими хвостами, и уланы с пёстрыми значками на пиках — участвовали в атаках как раз на «редут Раевского». «Залпы тысячи орудий» — не случайная цифра, а точное число пушек, действовавших в Бородинском бою с обеих сторон.

Лермонтов не только показал битву так, как её мог видеть и запомнить рядовой солдат, он и рассказал о ней языком простого солдата. «Дядя» употребляет народные выражения: «полковник-хват», «спит в земле сырой», «денёк», «французы тут как тут». И шутит он по-народному, с прибаутками: «У наших ушки на макушке!» О неприятельской армии он говорит по-народному — в единственном числе: «ликовал француз», «французу отдана», «изведал враг». Насмешливо называет французов «мусью». «В каждом слове, — писал великий русский критик[1] Белинский, — слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силён и полон поэзии».

Таких правдивых, неприкрашенных, исторически точных описаний войны до Лермонтова в русской литературе не было. Этой точности и правдивости описаний учился у Лермонтова другой великий русский писатель — Лев Николаевич Толстой. «Его «Бородино», — сказал он о Лермонтове в 1909 году, — зерно моей «Войны и мира».

— Скажи-ка, дядя, ведь не даром
Москва, спалённая пожаром,
    Французу отдана?
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, ещё какие!

[1] **Критик** — автор статей или заметок, посвящённых оценке, разбору и истолкованию художественных произведений.

Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы!

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.
У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут как тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат мусью!*
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдём ломить стеною,

Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке,
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»*
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилёг вздремнуть я у лафета*,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак* открытый:
Кто кивер* чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рождён был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражён булатом*,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умрёмте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
И умереть мы обещали,

И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И всё на наш редут.
Уланы с пёстрыми значками,
Драгуны* с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена́, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди;
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы*.

Тогда считать мы стали раны,
    Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
    Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
    Не отдали б Москвы!

Бородино́ — название деревни, находящейся неподалёку от Москвы, на старой Смоленской дороге. Возле Бородина 5 сентября 1812 года произошла великая битва, в которой русские войска под командованием фельдмаршала М. И. Кутузова нанесли поражение французской армии Наполеона.

Мусью́ — насмешливое обращение к французу; по-французски monsieur значит «господин», «сударь».

Карте́чь — артиллерийский снаряд, наполненный круглыми пулями, широко рассеивающимися при выстреле.

Лафе́т — станок, на котором укрепляется ствол артиллерийского орудия для стрельбы.

Бива́к — стоянка войск под открытым небом.

Ки́вер — высокий военный головной убор из твёрдой кожи.

Була́т — оружие из булатной стали — стали особой закалки.

Ула́н, драгу́н — солдаты конных уланских и драгунских полков (так назывались некоторые кавалерийские части в дореволюционное время).

Бусурма́ны — люди другой веры, иноземцы; здесь: враги.

ДВА ВЕЛИКАНА

В схватке двух сказочных великанов Лермонтов изобразил борьбу русского народа с Наполеоном и изгнание его из России в 1812 году.

«Старый русский великан», «русский витязь», о котором говорит Лермонтов, олицетворяет русский народ. «Трёхнедельный удалец» — Наполеон. «Неведомый гранит» — остров Святой Елены в Атлантическом океане, на котором Наполеон находился после своего окончательного поражения в 1815 году до самой смерти (умер в 1821 году).

В шапке золота литого
Старый русский великан
Поджидал к себе другого
Из далёких чуждых стран.

За горами, за долами
Уж гремел об нём рассказ,
И померяться главами
Захотелось им хоть раз.

И пришёл с грозой военной
Трёхнедельный удалец, -
И рукою дерзновенной
Хвать за вражеский венец.

Но улыбкой роковою
Русский витязь отвечал:
Посмотрел — тряхнул главою...
Ахнул дерзкий — и упал!

Но упал он в дальнем море
На неведомый гранит,
Там, где буря на просторе
Над пучиною шумит.

«МОСКВА, МОСКВА!.. ЛЮБЛЮ ТЕБЯ...»

(Отрывок из поэмы «Сашка»)

Лермонтов родился в Москве. И где бы ни находился потом, всегда говорил: «Москва — моя родина». В поэме «Сашка» он вспоминает Отечественную войну 1812 года, когда под Москвой — в Бородинском сражении — и в самой Москве сокрушилось могущество французского императора, прославленного полководца Наполеона.

Москва, Москва!.. люблю тебя, как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним великаном,
Померяться главою и обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.

НИЩИЙ

Летом 1830 года Лермонтов гостил у своих родственников в подмосковном имении Середниково.

Однажды большая компания молодёжи решила идти пешком в Троице-Сергиевскую лавру (ныне это город Загорск).

Приятельница Лермонтова, Сушкова, которой в то время он был увлечён, через много лет подробно описала эту прогулку в своих «Записках».

Она вспоминала, как на паперти лавры слепой нищий, услыхав звон монет, брошенных в его чашечку, стал благодарить их компанию за подаяние. «Пошли вам бог счастие, добрые господа, — приговаривал он, — а вот намедни приходили сюда тоже господа, тоже молодые, да шалуны, насмеялись надо мною: наложили полную чашечку камушков».

Возвратившись из лавры, в ожидании обеда в трактире, Лермонтов, стоя на коленях перед табуреткой, написал стихотворение «Нищий». В последней строфе он обращается к Сушковой, которая не принимала всерьёз его чувство.

У врат* обители* святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой
От глада, жажды и страданья.

Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Так я молил твоей любви
С слезами горькими, с тоскою;
Так чувства лучшие мои
Обмануты навек тобою!

Врата́ — ворота.
Оби́тель — монастырь.

ЛИСТОК

Образ оторванного листка, гонимого бурей, был для Лермонтова символом судьбы политического изгнанника и напоминал читателю о судьбе самого поэта.

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя
И вот, наконец, докатился до Чёрного моря.

У Чёрного моря чинара* стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зелёные ветви лаская;
На ветвях зелёных качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудрёных и чудных».

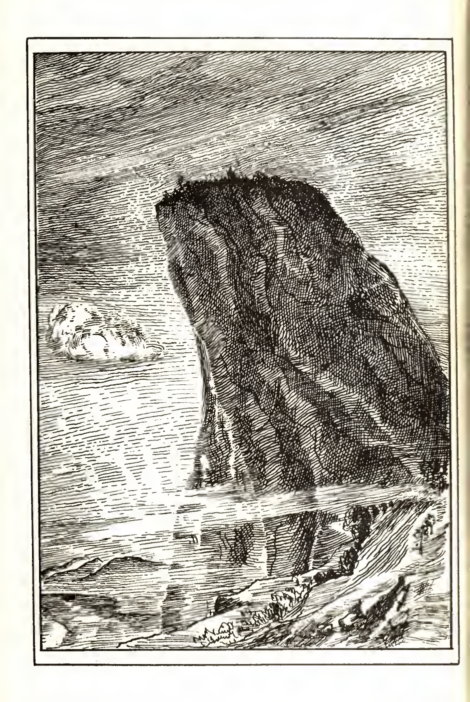

«На что мне тебя? — отвечает младая чинара, —
Ты пылен и жёлт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше; о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима, цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

Чина́ра (или платан) — дерево с широкой кроной, растущее на Кавказе.

УТЁС

Такие стихотворения, как «Утёс», представляют собой не только высокохудожественные описания природы. Они заставляют читателя задумываться, потому что под аллегорическими (иносказательными) изображениями в них скрыты человеческие отношения. В образах утёса и тучки, сосны и пальмы («На севере диком...»), дубового листка и чинары («Листок») мы угадываем человеческие встречи и расставанья, мечты и надежды — сложные человеческие судьбы.

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

«НА СЕВЕРЕ ДИКОМ СТОИТ ОДИНОКО...»

В основе этого стихотворения лежит мысль об одиночестве.

На севере диком стоит одиноко
  На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
  Одета, как ризой*, она.

И снится ей всё, что в пустыне далёкой,
  В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утёсе горючем
  Прекрасная пальма растёт.

Ри́за — одеяние, вытканное золотом или серебром.

ПАРУС

Впервые стихотворение «Парус» было напечатано в 1841 году, уже после смерти Лермонтова. Оно стало очень популярным в русском обществе и было воспринято как выражение передовых гражданских идей того времени.

Стихотворение о парусе, который «просит бури», наводило на размышления о судьбе тех, кто мечтал о подвигах во имя свободы Родины — о революционных бурях.

Советский писатель Валентин Катаев первую строчку этого стихотворения сделал заглавием своей повести «Белеет парус одинокий». В этой книге он рассказывает о великой буре — революционных событиях 1905 года.

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнётся и скрыпит...
Увы, — он счастия не ищет
И не от счастия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

ТУЧИ

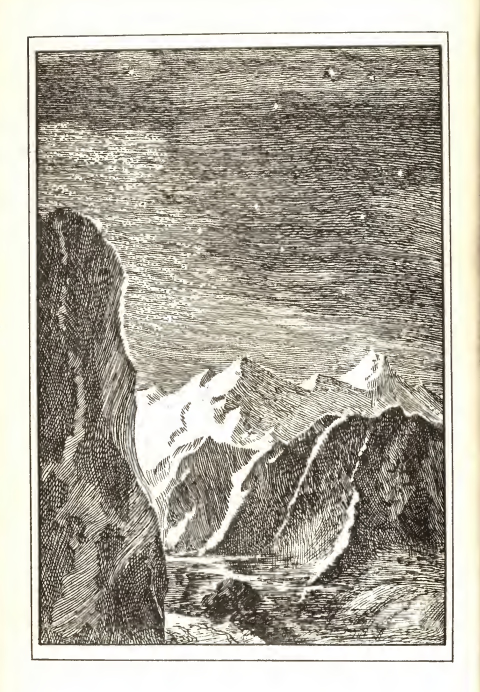
По словам современников, Лермонтов написал это стихотворение перед отъездом в кавказскую ссылку в доме Карамзиных, где собрались его друзья, чтобы проститься с ним перед разлукой. Поэт набросал его, стоя перед окном и глядя на тучи, которые плыли над Невой и Летним садом.

В стихотворении Лермонтов использует противопоставления: тучи — свободные, он — изгнанник, ссыльный; тучи — холодные, а в душе поэта кипят страсти: он страдает от разлуки с родиной, с «милым севером». Он — жертва зависти, злобы и клеветы.

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто, как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

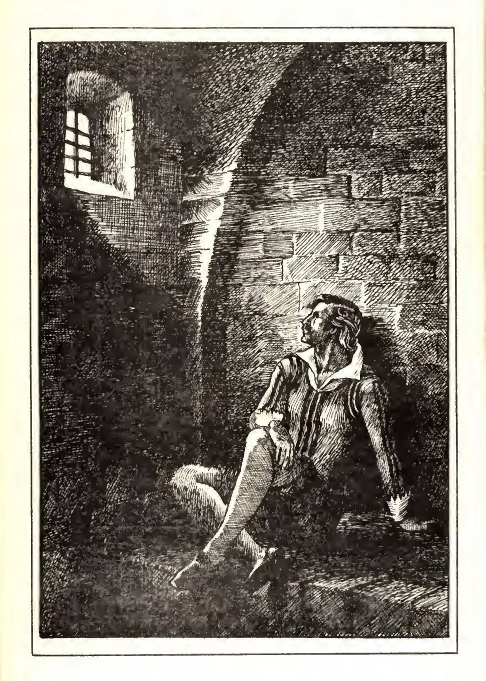

ИЗ ГЁТЕ

Лермонтов начал переводить стихотворение великого немецкого поэта Иоганна Вольфганга Гёте «Ночная песнь странника». Но отклонился от текста Гёте и создал своё — прекрасное восьмистишие, непохожее на немецкий оригинал.

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;
Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.

ПЛЕННЫЙ РЫЦАРЬ

Средневековые рыцари, чтобы предохранить себя от ударов меча, от поражения копьём и стрелами, надевали железные доспехи — панцирь. Голову они защищали металлическим шлемом. Во время боя опускали на лицо защитную металлическую маску — забрало. На левую руку надевали щит.

Судьба пленного рыцаря — это как бы судьба самого Лермонтова. Он написал это стихотворение в тюрьме, под арестом за дуэль с сыном французского посла. Поэт понимал, что новая ссылка на Кавказ, где шла кровопролитная война, грозит ему неизбежной гибелью.

Молча сижу под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют всё вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно.

Нет на устах моих грешной молитвы,
Нету ни песни во славу любезной:
Помню я только старинные битвы,
Меч мой тяжёлый да панцирь железный.

В каменный панцирь я ныне закован,
Каменный шлем мою голову давит,
Щит мой от стрел и меча заколдован,
Конь мой бежит, и никто им не правит.

Быстрое время — мой конь неизменный,
Шлема забрало — решётка бойницы,
Каменный панцирь — высокие стены,
Щит мой — чугунные двери темницы.

Мчись же быстрее, летучее время!
Душно под новой бронею мне стало!
Смерть, как приедем, подержит мне стремя;
Слезу и сдёрну с лица я забрало.

ТРИ ПАЛЬМЫ

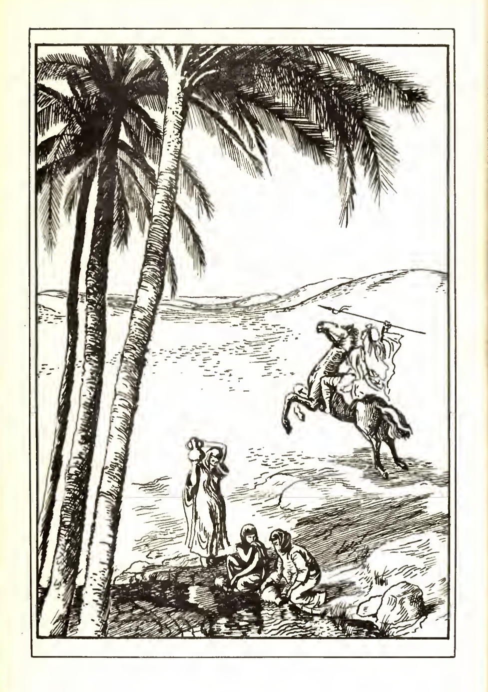
(Восточное сказание)

Описание аравийской пустыни, каравана и трёх пальм заключает в себе глубокий смысл.

Лермонтов видел цель жизни в непрестанном действии, в упорном творческом труде, в полезной деятельности. Ту жажду действия, которая томила лучших людей его поколения, Лермонтов передал и в стихотворении о трёх пальмах. И показал, что осуществление мечты невозможно. Это настроение характерно для поэзии Лермонтова. Его разделяли многие из современников.

Пальмы томятся в одиночестве, мечтают приносить благо, хотят, чтобы люди отдыхали под их сенью. Но свершиться их мечтам не дано. Человек пришёл и погубил их. Цветущий оазис превратился в пустыню.*

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зелёных листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студёной
Ещё не склонялся под кущей* зелёной,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые вьюки,
И шёл, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твёрдых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И чёрные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке* наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, поражённый стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса* вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их весёлый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнём.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный* свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскалённый заносит
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

Под сенью — под защитой, под покровом.
Куща — густая листва.
Лука — выступающий изгиб седла.
Фарис — всадник.
Урочный — установленный, определённый.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ

(Из Зейдлица)

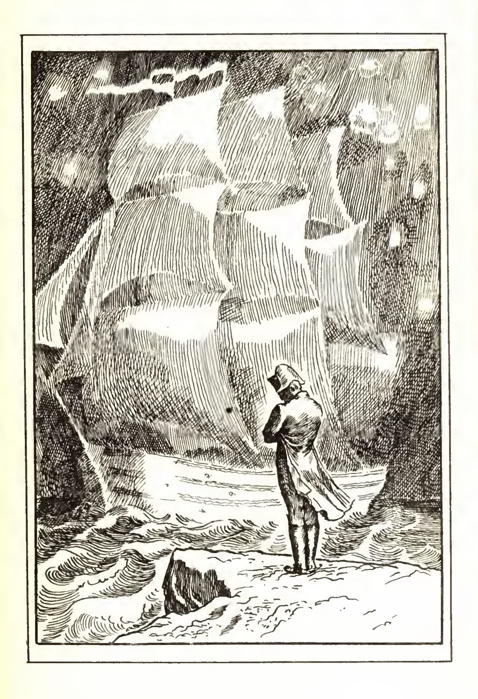
В начале 1840 года прошёл слух, что французское правительство решило перенести прах Наполеона Бонапарта с острова Святой Елены в Париж. (Это было осуществлено в следующем, 1841 году.)

Эти слухи волновали Лермонтова. Ему казалось, что Наполеон продолжал дело французской революции и что после падения Наполеона новые правители буржуазной Франции растоптали все завоевания революции и перенесение праха Наполеона в Париж будет только оскорблением для его памяти.

В связи с этим Лермонтов начал переводить балладу австрийского поэта И.-Х. Зейдлица «Корабль призраков». Баллада эта вялая и растянутая. Работая над переводом, Лермонтов в корне переделал её, сократил и сильно изменил стиль и сюжет. Стихотворение превратилось в замечательное произведение русской поэзии.

По синим волнам океана,
Лишь звёзды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несётся,
Несётся на всех парусах.

Не гнутся высокие мачты,
На них флюгера* не шумят,
И молча в открытые люки*
Чугунные пушки глядят.

Не слышно на нём капитана,
Не видно матросов на нём;
Но скалы, и тайные мели,
И бури ему нипочём.

Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных*
Врагами в сыпучий песок,
Лежит на нём камень тяжёлый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

И в час его грустной кончины,
В полночь, как свершается год,
К высокому берегу тихо
Воздушный корабль пристаёт.

Из гроба тогда император,
Очнувшись, является вдруг;
На нём треугольная шляпа
И серый походный сюртук*.

Скрестивши могучие руки,
Главу опустивши на грудь,
Идёт и к рулю он садится
И быстро пускается в путь.

Несётся он к Франции милой,
Где славу оставил и трон,
Оставил наследника-сына
И старую гвардию он.

И только что землю родную
Завидит во мраке ночном,
Опять его сердце трепещет
И очи пылают огнём.

На берег большими шагами
Он смело и прямо идёт,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовёт.

Но спят усачи-гренадеры —
В равнине, где Эльба шумит,
Под снегом холодной России,
Под знойным песком пирамид*.

И маршалы зова не слышат:
Иные погибли в бою,
Другие ему изменили
И продали шпагу свою.

И, топнув о землю ногою,
Сердито он взад и вперёд
По тихому берегу ходит,
И снова он громко зовёт:

Зовёт он любезного сына,
Опору в превратной судьбе;
Ему обещает полмира,
А Францию только себе.

Но в цвете надежды и силы
Угас его царственный сын*,
И долго, его поджидая,
Стоит император один —

Стоит он и тяжко вздыхает,
Пока озарится восток,
И капают горькие слёзы
Из глаз на холодный песок,

Потом на корабль свой волшебный,
Главу опустивши на грудь,
Идёт и, махнувши рукою,
В обратный пускается путь.

Флюгера́ — металлические флажки, указывающие направление ветра.

Лю́ки — отверстия в борту корабля для пушечных дул.

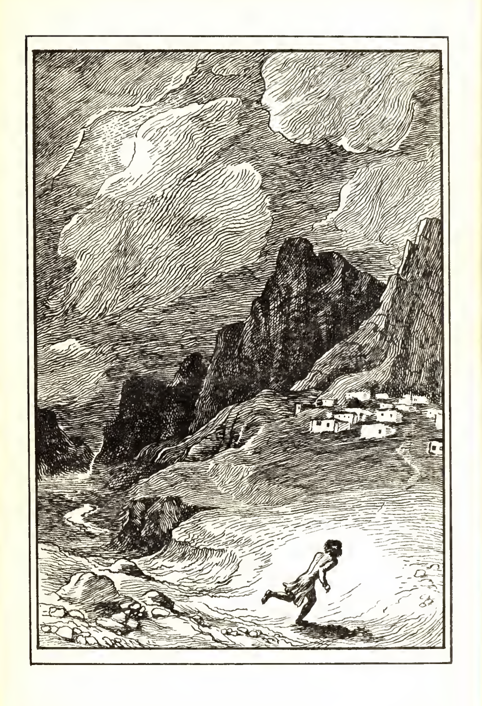
Бра́нные почести — воинские почести.

Треугольная шляпа и серый походный сюрту́к составляли неизменный походный костюм Наполеона.

«Под знойным песком пирамид» — в Египте.

«Угас его царственный сын». — После низложения императора Наполеона Бонапарта его четырёхлетний сын Наполеон II был отправлен в Австрию и в 1832 году умер там в возрасте 21 года.

БЕГЛЕЦ

(Горская легенда)

У кавказских горцев существовал обычай уносить с поля сражения тела своих убитых товарищей. Слова Лермонтова «лежат их головы в пыли» означают, что разбитые в бою черкесы не могли последовать своему древнему обычаю.

Описывая презренное малодушие Гаруна, Лермонтов показывает в этой поэме, как мстит народ «беглецу свободы».

Своим изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы, —

поёт невеста Гаруна. Беглец не достоин ни любви, ни дружбы, ни материнской ласки. Его удел — позорная смерть. Поэт воспевает доблесть тех, кто защищает отечество, и прославляет их мужество и любовь к свободе.

В своих произведениях Лермонтов всегда стремился ставить широкие общественные проблемы. Так и в этой поэме, говоря о Гаруне, он ставит вопрос о том, каким должен быть защитник отечества. Страшись судьбы Гаруна! — таков смысл поэмы. И если враг посягнёт на твоё отечество, выполни с честью свой долг, свою священную клятву. Неукротимо мсти захватчику и, если надо будет, умри во имя победы.

В этом и заключается основная идея поэмы «Беглец».

Свою поэму Лермонтов назвал «горской легендой» потому, что использовал в ней черкесское предание. В этом предании-песне поётся о юноше-горце. Его хотят изгнать из страны за то, что он вернулся домой один после битвы, в которой все его товарищи погибли.

Гарун бежал быстрее лани,
Быстрей, чем заяц от орла;
Бежал он в страхе с поля брани,
Где кровь черкесская текла;
Отец и два родные брата
За честь и вольность там легли,
И под пятой у супостата*
Лежат их головы в пыли.
Их кровь течёт и просит мщенья,
Гарун забыл свой долг и стыд;
Он растерял в пылу сраженья
Винтовку, шашку — и бежит!

И скрылся день; клубясь, туманы
Одели тёмные поляны
Широкой белой пеленой;
Пахну́ло холодом с востока,
И над пустынею пророка*
Встал тихо месяц золотой!..

Усталый, жаждою томимый,
С лица стирая кровь и пот,
Гарун меж скал аул родимый
При лунном свете узнаёт;
Подкрался он, никем не зримый...

Кругом молчанье и покой,
С кровавой битвы невредимый
Лишь он один пришёл домой.

И к сакле* он спешит знакомой,
Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепясь душой как только мог,
Гарун ступил через порог;
Селима звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе, мучимый недугом, —
Один, — он молча умирал...
«Велик аллах! от злой отравы
Он светлым ангелам своим
Велел беречь тебя для славы!» —
«Что нового?» — спросил Селим,
Подняв слабеющие вежды*,
И взор блеснул огнём надежды!..
И он привстал, и кровь бойца
Вновь разыгралась в час конца.
«Два дня мы билися в теснине*;
Отец мой пал, и братья с ним;
И скрылся я один в пустыне,
Как зверь, преследуем, гоним,
С окровавленными ногами
От острых камней и кустов,
Я шёл безвестными тропами
По следу вепрей* и волков;
Черкесы гибнут — враг повсюду...
Прими меня, мой старый друг;
И вот пророк! твоих услуг
Я до могилы не забуду!..»

И умирающий в ответ:
«Ступай — достоин ты презренья.
Ни крова, ни благословенья
Здесь у меня для труса нет!..»
Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрёк,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог.

И, саклю новую минуя,
На миг остановился он,
И прежних дней летучий сон
Вдруг о́бдал жаром поцелуя
Его холодное чело;
И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним;
И он подумал: я любим,
Она лишь мной живёт и дышит...
И хочет он взойти — и слышит,
И слышит песню старины...
И стал Гарун бледней луны:

Месяц плывёт
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идёт.
Ружьё заряжает джигит*,
А дева ему говорит:
Мой милый, смелее
Вверяйся ты року*,

Молися востоку,
Будь верен пророку,
Будь славе вернее.
Своим изменивший
Изменой кровавой,
Врага не сразивши,
Погибнет без славы,
Дожди его ран не обмоют,
И звери костей не зароют.
Месяц плывёт
И тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идёт.

Главой поникнув, с быстротою
Гарун свой продолжает путь,
И крупная слеза порою
С ресницы падает на грудь...

Но вот от бури наклонённый
Пред ним родной белеет дом;
Надеждой снова ободрённый,
Гарун стучится под окном.
Там, верно, тёплые молитвы
Восходят к небу за него,
Старуха мать ждёт сына с битвы,
Но ждёт его не одного!..

«Мать, отвори! я странник бедный,
Я твой Гарун! твой младший сын;
Сквозь пули русские безвредно

Пришёл к тебе!» — «Один?» — «Один!» —
«А где отец и братья?» — «Пали!
Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли». —
«Ты отомстил?» — «Не отомстил...
Но я стрелой пустился в горы,
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою...» —
«Молчи, молчи! гяур* лукавый,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус — и мне не сын!..»
Умолкло слово отверженья,
И всё кругом объято сном.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго под окном;
И наконец удар кинжала
Пресек несчастного позор...
И мать поутру увидала...
И хладно отвернула взор.
И труп, от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнёс,
И кровь с его глубокой раны
Лизал, рыча, домашний пёс;
Ребята малые ругались
Над хладным телом мертвеца,
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.
Душа его от глаз пророка
Со страхом удалилась прочь;

И тень его в горах востока
Поныне бродит в тёмну ночь,
И под окном поутру рано
Он в сакли просится, стуча,
Но, внемля громкий стих корана*,
Бежит опять под сень тумана,
Как прежде бегал от меча.

Супоста́т — враг, недруг.

Проро́к — по религиозным представлениям, истолкователь воли бога, предсказатель будущего.

Са́кля — жилище горца; домик, сложенный обычно из камней.

Ве́жды — веки.

Тесни́на — узкий проход между горами и утёсами.

Вепрь — кабан, дикая свинья.

Джиги́т — ловкий, лихой наездник, удалец.

Рок — судьба.

Гяу́р — у магометан название человека иной веры.

Кора́н — священная книга у некоторых восточных народов.

КАЗАЧЬЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Сохранилось предание, что Лермонтов написал это стихотворение на Северном Кавказе, в станице Червлённой. Будто бы, войдя в хату, где ему была отведена квартира, он застал там красавицу казачку, напевавшую песню над колыбелью.

В этой песне — вся будущая судьба ребёнка: военная служба, разлука с родными, походы, сражения, героические подвиги, а может быть, и гибель вдали от родной станицы.

По словам Белинского, Лермонтов сумел передать всё, что есть беззаветного в любви матери: весь трепет, всю её страсть, и кроткую нежность, и безграничную бескорыстную преданность.

Это стихотворение давно стало народной песней.

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползёт на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закалён в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житьё;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмёшь ружьё.
Я седельце боевое
Шёлком разошью...
Спи, дитя моё родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнёшь рукой...
Сколько горьких слёз украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...

Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

«ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ...»

В стихотворении Лермонтов говорит о покое, который нисходит на человека среди природы. Природа всегда была для поэта символом свободы. Птицы в стихах Лермонтова — «вольные», ветер «машет вольными крылами», горы — «твердыни свободы», волны — «несутся вольною четой».

В то время, когда создавалось стихотворение «Выхожу один я на дорогу...», Лермонтов был полон творческих замыслов. «Уже затевал он в уме, утомлённом суетою жизни, создания зрелые», — писал Белинский вскоре после гибели Лермонтова. Говоря о «суете жизни», великий критик намекал на трагическую судьбу поэта, погибшего в ссылке, — иначе сказать об этом в журнале в то время было нельзя.

Не о покое смерти мечтал Лермонтов. Покой и свобода нужны были ему для творчества, для вдохновенного поэтического труда.

В Пензенской области, где прошло детство поэта, до сих пор говорят о том, что мотив песни «Выхожу один я на дорогу...» сочинил сам Лермонтов и будто бы пел он эту песню в последнюю ночь своей жизни перед дуэлью. Это — легенда.

Лермонтов погиб на Кавказе.

Многие стихотворения его стали народными песнями: «Бородино», «Казачья колыбельная песня», «Воздушный корабль», «Соседка», «Нет, не тебя так пылко я люблю...» и другие.

1

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый* путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

2

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сиянье голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чём?

3

Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

4

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так заснуть,
Чтоб в груди дремали жизни силы,
Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь;

5

Чтоб, всю ночь, весь день мой слух лелея,
Про любовь мне сладкий голос пел,
Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Тёмный дуб склонялся и шумел.

Кремни́стый — усеянный острыми камнями; здесь в значении: трудный, тяжёлый.

РОДИНА

Лермонтов говорит здесь о том, что любит родину «странною любовью». Действительно, его любовь была странной, необычной для человека того общества, в котором он родился и вырос.

Поэту ненавистны были Николай I и его приближённые — палачи декабристов, душители свободы, усмирители крестьянских восстаний, — ненавистна была их

...слава, купленная кровью...

Лермонтову чужда была любовь помещиков к своим крепостным вотчинам, их вера в непоколебимость крепостного права, их

...полный гордого доверия покой...

Были в то время дворяне, утверждавшие, что русскому человеку нужно вернуться к древним порядкам и обычаям, существовавшим на Руси ещё до Петра I. Они отвергали всё новое и превозносили старое. Они хотели повернуть страну к прошлому. Вот почему

...тёмной старины заветные преданья

были чужды Лермонтову.

Поэт ощущал свою кровную связь с народом. Он любил демократическую Россию. Потому-то великий критик-демократ Добролюбов и писал, что в своём «удивительном стихотворении «Родина» Лермонтов «понимает любовь к отчизне истинно, свято, разумно». Для Лермонтова, как и для Пушкина, понятие «родина» сливалось с понятием «народ».

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит её рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни тёмной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям;
Просёлочным путём люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;
Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

СОДЕРЖАНИЕ

Для начальной школы

МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ ЛЕРМОНТОВ

ПАРУС

Ответственный редактор *Н. М. Кожемякина.* Художественный редактор *И. Г. Найдёнова.* Технический редактор *Г. Е. Гафт.* Корректор *Л. М. Агафонова.* Сдано в набор 26/XI 1975 г. Подписано к печати 29/IV 1976 г. Формат 60×90/16. Бум. тип. № 1. Усл. печ. л. 4. Уч.-изд. л. 2,84. Тираж 800 000 экз. Заказ № 938. Цена 12 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата Совета Министров РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Цена 12 коп